

Восточный вектор геополитики Екатерины II: «Греческий проект»

Трудно найти в истории России период более блистательных успехов во внешней политике, чем последняя треть XVIII в. Исторически сложилось так, что перед Россией в самом начале правления Екатерины II оказалось несколько внешнеполитических задач: закрепление завоеваний на Балтике и освоение недавно приобретенных территорий, выход к Черному и Азовскому морям, налаживание южных торговых путей, увеличение российского влияния в Польше и присоединение единоверных народов Украины и Белоруссии. Правительство Екатерины II блестяще справились с возложенными на него задачами. Широко известна ставшая крылатой фраза, сказанная канцлером А.А. Безбородко Павлу I, что при Екатерине II ни одна пушка в Европе не могла выстрелить без ее разрешения.

Несмотря на общую активность во внешней политике и важность всех направлений, восточный вопрос стоял несколько особняком. Дело в том, что закрепление балтийских завоеваний, присоединение Украины и Белоруссии имели для Российской империи, прежде всего, внешнеполитическое значение. Военно-дипломатические победы в этом направлении повышали престиж России на международной арене. Восточный вопрос был гораздо глубже, и практически во все царствование Екатерины он находился на первом плане.

Надо заметить, что необходимость выходов к Черному и Азовскому морям диктовалась рядом причин: во-первых, это требовалось для поддержания политического престижа Российской империи и императрицы. Известно, что в начале правления императрицы ее зарубежные корреспонденты, такие как Ф.М. Гримм, Вольтер, интересовались у Екатерины, платит ли Россия еще дань крымскому хану? Кроме того, Вольтер в переписке с Екатериной выражал желание видеть ее коронованной в Константинополе¹. Во-вторых, повышенный интерес к югу России диктовала экономическая необходимость. Экстенсивный путь развития требовал присоединения и освоения новых земель. Колонизация Урала была делом трудоемким и малоперспективным. Земли же, принадлежавшие Крымскому ханству, вассалу Турции, и близлежащие территории всегда вызывали интерес у российского государства и помещиков. Кроме того, по Черному морю было выгоднее торговать продуктами сельского хозяйства, чем по Балтийскому – ближе и теплее. В-третьих, Турция воспринималась в России и Европе как оплот варварства и деспотизма, и критика в ее адрес была составной частью внешнеполитического курса в рамках по-

литики «просвещенного абсолютизма».

Блестящая победа в развязанной Турцией войне 1768 – 1774 гг., заключение Кучук-Кайнарджийского мира изменили соотношение сил в Причерноморье и открыли для России огромные возможности. Черное море и проливы оказались полностью открыты для русского торгового мореплавания, Россия получала крепости в Крыму: Керчь, Еникале, Кинбурн. Также Российской империи отходили земли между Днепром и Южным Бугом, все земли до Кубани и Кабарда. Крымское ханство объявлялось независимым. Наконец, договор содержал ряд статей, направленных на расширение прав подвластных Турции христианских народов. Так, народы Молдавии и Валахии, формально оставаясь под властью Турции, фактически перешли под протекторат России. Этот успех, а также необычайно благоприятная внешнеполитическая обстановка способствовали рождению геополитических планов Екатерины II по освобождению из-под Турции всех подвластных ей христианских народов и восстановлению Греческой державы. Эти планы и вошли в историю под названием «Греческий проект». Чтобы понять причину появления данного проекта, необходимо кратко прояснить сложившуюся в то время внешнеполитическую обстановку.

Последняя четверть XVIII – начало XIX века прошли под знаком передела сфер влияния в Восточной Европе и на Ближнем Востоке. Причина этого кроется в ослаблении ряда держав данного региона, прежде всего Речи Посполитой и Османской империи, а также в политическом и экономическом кризисе во Франции. Подобным раскладом сил незамедлительно решила воспользоваться Великобритания для усиления своего влияния на Ближнем Востоке. Как морская держава Англия стремилась заполучить контроль за торговлей в Средиземном и Черном морях. Напомним, что эти территории традиционно входили в сферу влияния Франции. Поэтому в первой русско-турецкой войне Франция официально поддерживала Турцию, Англия неофициально – Россию.

После русско-турецкой войны Англия начала втягивать Россию в конфликт с Пруссией и для этого максимально способствовала ее сближению с Австрией, так как Русско-Австрийский союз рассматривался как предлюдия к тройственному союзу уже с Британией. Войны на континенте, по мнению английских дипломатов, обязательно отвлекли бы силы Франции от соперничества с Англией на море. Русская дипломатия, умело используя «дружбу» с Англией, не шла на заключение официального договора. Да и принятие в 1780 г. «Декларации о вооруженном нейтралитете» показало независимость и зрелость российской дипломатии. Однако сближение России и Австрии оказалось взаимовыгодно обеим сторонам. Австрийская дипломатия надеялась на помощь России в борьбе за гегемонию в Германии. Это стало возможным после значительного уменьшения по-

литического влияния Н.И. Панина, сторонника союза с Пруссией. Российская дипломатия, в свою очередь, рассчитывала на поддержку Австрии в своей восточной политике прежде всего в вопросе присоединения Крыма и в реализации «Греческого проекта».

Весной 1780 г. состоялась встреча Екатерины II и Иосифа II в Могилеве. Формально это была неофициальная встреча двух путешественников. Встреча монархов переросла во взаимовыгодную «дружбу», в которой каждая сторона преследовала свои интересы. Между Екатериной II и Иосифом II завязалась переписка, в которой монархи обсуждали взаимные интересы и предоставили друг другу некоторые гарантии учета позиций противной стороны. Начавшееся весной 1782 г. восстание в Крыму против хана Шагин-Гирея, послужило поводом для активного вмешательства России, что в дальнейшем привело к присоединению полуострова к империи. Комментируя австрийскому императору свою восточную политику, Екатерина II в письме от 10 сентября 1782 г. изложила Иосифу II свои планы относительно будущего Турции, получившие в дальнейшем название «Греческий проект»².

Разговоры о необходимости оказания помощи братьям-славянам и изгнания турок из Европы появились еще во время первой русско-турецкой войны. Так, герой этой войны Алексей Орлов писал своему брату Григорию в 1768 г.: «... если ехать, так уж ехать до Константинополя, и освободить всех православных и благочестивых из-под ига тяжелого»³. После окончания этой войны Россия начала строительство различных крепостей на турецкой границе. Одной из них сделался город Херсонес. Местное население поддерживало проникновение России в южные регионы. Грек Булгарис, вступивший на русскую службу, составил две записки: одну об упадке Турции, другую – о колонизации юга России. Жители дунайских провинций неоднократно обращались к русскому послу в Константинополе с просьбой защитить их от Османской империи.

27 апреля 1779 г. родился великий князь Константин Павлович. В манифесте, опубликованном по этому случаю, было сказано, что от новорожденного следует ожидать славы и могущества России, а также говорилось о его великом предназначении – быть первым правителем освобожденного греческого народа. Само имя великого князя заключало намек на его грядущую карьеру. Григорий Потемкин по случаю рождения второго внука Екатерины II устроил у себя праздник в греческом стиле, на котором на греческом языке пел хор, на греческом языке читали стихи и т.п. На медали, выбитой по случаю рождения великого князя, были изображены Софийский храм в Константинополе и Черное море, над которым сияет звезда. Самого Константина Павловича с раннего детства окружали греки: ему определили гречанку-кормилицу, первым слугой его стал грек Дмитрий Курута. Для первых детских игр Константину были подобраны

товарищи из действующего с 1777 г. в Петербурге училища для молотых греков. Наконец, сообщая своему корреспонденту Ф.М. Гримму весной 1779 г. о рождении второго внука, Екатерина II писала: «...меня спросили, кто будет крестным отцом? Я сказала: не знаю лучшего, только мой друг Абдул Гамид. Но так как никакой христианин не может быть крещен турком, то окажем ему честь, что назовем новорожденного Константином»⁴.

Кроме того, надо сказать, что идея освобождения Эялады встречала горячую поддержку европейского общества. В своем творчестве в поддержку греков выступали Вольтер, Шиллер, Гете и др. Екатерина II написала проникнутую духом завоевания пьесу «Олег», в которой изложила свои взгляды и свою позицию на современную ситуацию. Наконец, императрица ввела в моду женский наряд под названием «гречанка».

Итак, в упомянутом выше письме от 10 сентября 1782 г. Екатерина изложила Иосифу II давно зревшие планы российской дипломатии, прежде всего А.А. Безбородко и Г.А. Потемкина. Во-первых, Екатерина II заметила, что для проведения активной восточной политики начало 80-х гг. – самое удобное время. По ее выражению, одни державы слишком слабы, другие – дружественны, третьи – пассивны. Так, Польша зависит от России и слаба, Англия и Франция ослаблены взаимной войной. Кроме того, Екатерина II полагала, что «Англия не может не отдать справедливости беспристрастию, оказанному Его Императорским Величеством [...] и не признать наших дружеских услуг для восстановления мира»⁵. Правда, императрица понимала, что Иосифа II более всего будет заботить позиция Фридриха II Прусского. Однако она успокаивала австрийского императора, что «преклонные лета» прусского монарха удержат его от решительных действий, тем более без поддержки Англии и Франции он не осмелится вмешаться. Во-вторых, Екатерина II уверяла Иосифа II в необычайной слабости Турции. В письме она подробно расписала, что Османская империя находится в плачевном состоянии, а стремление провинций Турции отделиться от нее столь велико, что война будет, скорее, победным маршем⁶.

Подготовив таким образом австрийского монарха к мысли о легкой победе над турками, Екатерина II перешла к изложению своего плана относительно будущего Османской империи. Она указала Иосифу II, что «простое» освобождение балканских народов едва ли пойдет им на пользу: фактически не имея собственного военного потенциала, они снова станут объектом завоевания. Поэтому императрица предлагала посадить на греческий престол великого князя Константина Павловича, который навсегда откажется от притязаний на престол российский, что не помешает Греции пользоваться покровительством Российской империи. Далее, писала Екатерина, из Молдавии, Валахии и Бесарабии следует создать

одно государство – Дакию.

Надо сказать, что под прикрытием благородных лозунгов о предоставлении независимости балканским народам Екатерина II хотела решить сугубо практическую для России проблему – создание на юге Российской империи «буферного» государства. Отсутствие общих границ России с Австрией и Турцией минимизировало бы возможности военных столкновений этих стран.

Размышляя о разделе Османской империи, Екатерина II старалась максимально учесть интересы своего союзника – Австрии. Она предложила императору самому определить те земли, которые он бы хотел присоединить. «Моя личная приязнь к моему дражайшему союзнику, – писала Екатерина II, – не допустят меня ни на одну минуту поколебаться – принести эту жертву»⁷. Для своей же империи она хотела очень скромное вознаграждение: земли между Бугом и Днестром и территорию вокруг Очакова. Наконец, завершая письмо со столь смелым предложением, императрица Екатерина подчеркнула, что «какими бы великими и отдаленными не могли казаться эти планы, думаю, что для наших двух государств, столь тесно связанных, мало существует невозможных вещей!»

Несмотря на столь оптимистический тон письма, Екатерина II прекрасно отдавала себе отчет в тех проблемах, которые могут воспрепятствовать задуманному плану. Так, чуть позднее она писала Потемкину: «политический состав Оттоманской монархии [...] еще отдален от конечного его разрушения»⁸. Но не писать же об этом австрийскому императору! Екатерине было крайне необходимо, чтобы Иосиф II согласился в главном – необходимости раздела Османской империи. Кроме того, помимо «грандиозных и отдаленных» планов воссоздания Греческой державы, у Екатерины II были и другие вполне «конкретные и близкие» планы присоединения Крыма. Кстати, об этом Екатерина упомянуть «забыла».

Иосиф II не сразу ответил на письмо Екатерины, для этого потребовалось даже напоминание императрицы. В целом, тон его письма был вполне доброжелательным, но двусмысленным. Иосиф II писал по поводу будущего Турции: «...никогда [у Вашего Величества (*дополнено мной. – Н.К.*)] не возникнет затруднений для исполнения желаний, если оные будут совпадать и согласовываться с моими собственными интересами и удобствами»⁹. К сожалению для России, «собственные» интересы австрийской дипломатии лежали несколько в иной плоскости. Главным соперником Австрии Иосиф II считал Пруссию, а территориальные притязания австрийской монархии касались прежде всего Саксонии. Австрийский император также вполне резонно заметил в письме Екатерине, что без поддержки Франции, как бы слаба она ни была, невозможно даже начинать реализацию столь грандиозного проекта относительно Турции.

Кроме того, Иосиф II выразил желание присоединить Истрию и венецианскую Далмацию. Взамен же он предложил передать Венеции ряд островов в Адриатическом море. Правда, Иосиф II заверил императрицу, что Австрия поддержит все начинания России на Востоке.

Екатерина II ответила своему корреспонденту только через четыре месяца 4 января 1783 г. Российская императрица «простодушно» постаралась разуверить Иосифа II в его опасениях относительно Пруссии и Франции, но достаточно жестко высказалась против присоединения к Австрии венецианской Далмации, так как Венеция, по мнению Екатерины II, могла бы быть полезна в войне с Турцией. И хотя письмо императрицы заканчивалось уверениями во всеобщей дружбе и готовности России учитывать интересы и планы Австрии, стало очевидно, что так и не оформленный официально русско-австрийский союз распадается.

При изучении переписки Екатерины II и Иосифа II невольно напрашивается мысль, что императрица добивалась начала военного столкновения между Австрией и Турцией для безболезненного присоединения Крыма к России, а «Греческий проект» был лишь прикрытием этого плана. Так, Г.А. Потемкин, который был прекрасно осведомлен о содержании переписки Екатерины II и Иосифа II, писал императрице: «...что касается до императора [Австрии. — Н.К.], не препятствуйте ему, пусть берет у турков, что хочет. Нам много это пособит и диверсия одна б его стороны, великая польза»¹⁰. Кроме того, едва получив ответ австрийского императора, в котором он уверял, что не будет вмешиваться в политику Российской империи на Востоке, Екатерина II направила Г.А. Потемкину секретный рескрипт, где она потребовала занятия Крыма при самом удобном случае¹¹.

Крым действительно был присоединен относительно неожиданно для Европы. Даже Иосиф II в одном из писем вынужден был признать, что присоединение Крыма, Кубани и Тамани стало для него неожиданностью. Именно на этом основании ряд историков делают вывод, что весь «Греческий проект» был просто мистификацией с целью отвлечения общественного мнения и политиков в Европе от действительных планов Екатерины II — присоединения Крыма¹².

Надо сказать, что императрица до конца своих дней не оставляла идеи возродить Великую Грецию. Так, в беседах со своим статс-секретарем Екатерина II не раз упоминала о будущем великого князя Константина Павловича и Константинополя. 7 июня 1788 г. она говорила: «Пусть турки пойдут куда хотят. Греки могут составить монархию для Константина Павловича; и чего Европе опасаться? Ибо лучше иметь в соседстве Христианскую державу, нежели варваров»¹³. В 1792 г. ее интерес к этой проблеме не ослабевает: «Суворов и Мордвинов спят и видят, чтобы пройти в Царьград. Турки тотчас убегут; там останется до 30 тыс. греков — вот и

наследство великому князю Константину Павловичу»¹⁴.

На наш взгляд, очевидно, что российской императрице в период блестящих внешнеполитических побед российского оружия и дипломатии едва ли нужна была подобная, весьма рискованная, внешнеполитическая игра. Да, осуществление вышеперечисленных планов относительно раздела Турции и образования Греческой державы во главе с Константином Павловичем обеспечило бы российскому флоту гегемонию в Средиземном море. Освобождение греков и значительное ослабление Османской империи сделали бы Россию самой влиятельной державой на Ближнем Востоке и в Восточной Европе. Однако реальная внешнеполитическая обстановка в Европе в начале 80-х гг. XVIII в. и смерть Г.А. Потемкина, ближайшего помощника Екатерины II в восточном вопросе, не позволили ей даже приблизиться к осуществлению задуманного.

Примечания

- ¹ См.: Вольтер и Екатерина II. Переписка. СПб., 1882. С. 63.
- ² РГВИА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 2. Л. 47-62; Переписка Екатерины II с Иосифом II // Русский архив. 1880. Кн. 1. С. 281-291.
- ³ Цит. по: Тиктопуло Я. Мираж Царьграда // Родина. 1991. № 11-12. С.58.
- ⁴ Переписка Екатерины II с Ф.М.Гриммом. Письмо от 01.05.1779 // Рус. ист. о-во: Сб. СПб., 1880. Т. 23. С.136.
- ⁵ Переписка Екатерины II с Иосифом II // Русский архив. 1880. Кн. 1. С. 285.
- ⁶ Там же. С. 286.
- ⁷ Там же. С. 291.
- ⁸ См.: Рескрипт Г.А.Потемкину от 14.12.1782 // Переписка Екатерины II с Г.А.Потемкиным // Рус. ист. о-во: Сб. СПб., 1880. Т.17. С.222.
- ⁹ Письмо Иосифа II Екатерине II от 13 ноября 1782 г. // РГВИА. Ф.52. Оп. 2. Д. 2. Л.63 об-68 об.
- ¹⁰ Переписка Екатерины II и Г.А. Потемкина. Письмо Г. Потемкина от 14.12.1782 // РГАДА. Ф. 1. Д. 26. Л. 26.
- ¹¹ См.: Рескрипт Г.А. Потемкину от 14.12.1782 // Переписка Екатерины II с Г.А.Потемкиным // Рус. ист. о-во: Сб. СПб., 1880. Т.17. С.224
- ¹² См., например: Маркова О.П. О происхождении так называемого «Греческого проекта» // История СССР. 1958. № 1.
- ¹³ [Храповицкий А.В.] Памятные записки А.В. Храповицкого. М., 1990. С.66.
- ¹⁴ Там же. С. 279.